

Максим Лебский

Рабочий класс СССР

ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

Максим Лебский

**Рабочий класс СССР.
Жизнь в условиях
промышленного патернализма**

«Горизонталь»

2021

УДК 33+314+316+93/94
ББК 60.54 63.3(2)28 65.8

Лебский М. А.

Рабочий класс СССР. Жизнь в условиях промышленного патернализма / М. А. Лебский — «Горизонталь», 2021

ISBN 978-5-6043030-4-7

В чем причина конформизма и индивидуализма российского рабочего класса, так ярко проявившихся в 1990-е годы? Историк Максим Лебский полагает, что утрата рабочими классового сознания произошла в советские годы и стала следствием того, что вся их жизнь оказалась выстроена вокруг инфраструктуры промышленного предприятия. Не имея зон и институтов, автономных от государства и предприятия, советский рабочий оказался неспособен организовать коллективное сопротивление.

УДК 33+314+316+93/94

ББК 60.54 63.3(2)28 65.8

ISBN 978-5-6043030-4-7

© Лебский М. А., 2021

© Горизонталь, 2021

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Максим Лебский
Рабочий класс СССР
Жизнь в условиях
промышленного патернализма

* * *

© Лебский М. А., текст

Введение

Теоретические определения

Данную книгу я хотел бы начать с попытки ответа на вопросы: что такое пролетариат и рабочий класс? Как они соотносятся с друг другом? Наиболее полный научный анализ возникновения пролетариата дали родоначальники марксизма. Марксизм как научная теория начал формироваться в 1840-е гг. – в эпоху промышленного переворота в западноевропейских странах. На базе мануфактуры возникла промышленная фабрика, которая олицетворяла новый этап в развитии кооперации труда. Концентрация рабочих в одном цеху вместе с использованием машин-двигателей и машин-орудий обеспечила небывалый рост производительности труда на фабриках. При этом рабочий полностью лишался каких-либо средств производства, становясь живым придатком к мертвой машине.

Для классиков марксизма рабочий класс был более широким понятием, чем пролетариат. Рабочие существовали до промышленного переворота и включали в себя широкий слой кустарей и надомников. Все они были рабочими. Для мануфактурных рабочих были характерны две особенности: ручной ремесленный труд и использование собственного инструмента, а в ряде случаев и собственного помещения. Энгельс писал про них:

До введения машин превращение сырья в пряжу и затем в ткань совершалось на дому у рабочего. Жена и дочери пряли пряжу, которую отец семейства превращал в ткань; если он сам ее не обрабатывал, пряжа продавалась.

И далее (Энгельс 1955:243–244):

...Ткач большей частью был даже в состоянии кое-что откладывать и арендовать небольшой участок земли, который он обрабатывал в часы досуга, а их у него было сколько угодно, так как он мог ткать, когда и сколько ему хотелось. Правда, земледelec он был плохой, его хозяйство велось небрежно и не приносило существенного дохода; но, по крайней мере, он не был пролетарием, он вбил, как выражаются англичане, столб в родную землю, он был оседлым человеком и в обществе стоял на одну ступень выше, чем теперешний английский рабочий.

Но с развитием промышленного производства начинает формироваться новый тип работника – пролетарий, лишенный каких-либо средств производства и занятый машинным трудом.¹ Под пролетариатом Маркс и Энгельс понимали

...Общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, – класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции.

¹ Энгельс писал: «Пролетариат возник в результате введения машин, которые начали изобретать с середины прошлого столетия и из которых главнейшими являются: паровая машина, прядильная машина и механический ткацкий станок. Эти машины, которые стоили очень дорого и поэтому могли быть доступны только богатым людям, вытеснили тогдашних рабочих, ибо при помощи машин можно было изготовлять товары дешевле и быстрее, чем это в состоянии были делать прежние рабочие на своих несовершенных пряхах и ткацких станках». См.: Энгельс 1970:83–86.

Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века (Энгельс 1955b: 322).

В результате развития индустриального производства происходила унификация условий труда разных категорий рабочих. Все они постепенно переезжали в отдельные рабочие кварталы промышленных городов. Идиллический образ жизни старого рабочего класса, похожий на крестьянский, исчезал в результате роста индустриальных городов и пауперизации рабочих.

Почему Маркс обращал такое внимание на абсолютное и относительное обнищание пролетариата? Он сам был свидетелем резкого ухудшения жизни трудящихся. Они лишались собственных средств труда и превращались в настоящих пролетариев – людей, обладающих лишь потомством, объединенных в одну трудовую армию. Так, например, в своей книге о жилищном вопросе Энгельс четко разграничивает пролетария и рабочего по их отношению к жилью. Пролетарий не может владеть собственным домиком, а рабочий может (Энгельс 1961:235). Таким образом, пролетарий по своему положению ближе к пауперу, который живет в бараке или рабочем доме, нежели к ремесленнику Средневековья.

Промышленный переворот на первоначальном этапе влек за собой резкое ухудшение материального положения рабочих, но классики марксизма возвели эту временную тенденцию в общий закон капитализма (Маркс, Энгельс 1955b:435):

Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия не способна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом.

На момент написания манифеста этот вывод был абсолютно верен. Маркс и Энгельс, конечно, не могли предвидеть в 1848 г., что пролетариату европейских стран в будущем удастся значительно улучшить свое материальное положение в условиях развития и расширения капитализма на весь земной шар. Но уже в 1858 г. Энгельс в одном из писем Марксу пишет о причинах кризиса чартистского движения (Энгельс 1962b:293):

...Английское пролетарское движение в его старой традиционно-чартистской форме должно окончательно погибнуть, прежде чем сможет развиваться в новую, более жизнеспособную форму. И все же трудно предвидеть, какова будет эта новая форма. [...] Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно.

В «Капитале» для лучшего понимания законов развития буржуазного общества Маркс рассматривал развитую модель капитализма, лишенную каких-либо пережитков феодальных

отношений. Предмет исследования Маркса – это теоретическая модель капитализма, возникшая на основе обобщения исторического материала и проекции в будущее логики развития буржуазного общества. Соответственно, при развитом капитализме, по мнению Маркса, пролетариат станет единственным отрядом рабочего класса, поглотив всех ремесленников. Именно поэтому Маркс использует в «Капитале» понятия «пролетарий» и «рабочий» как синонимы, не делая между ними различия. А в середине XIX века оно еще существовало. К примеру, в Париже к концу 1860-х гг. было зарегистрировано 416 тыс. рабочих. В среднем на одно предприятие приходилось 4 рабочих, хотя реальное распределение их было следующим: 61 % предприятий обходились без рабочих или имели только одного рабочего, 31 % имел от 1 до 10 рабочих и лишь 7 % – свыше 10. Доля фабрично-заводского пролетариата в общей численности парижских рабочих – 10 %, и большая часть из них была занята в изготовлении одежды, предметов роскоши, строительстве. Александр Тарасов справедливо заключает (Тарасов 2009):

На две трети парижская промышленность состояла из карликовых предприятий, почти на треть – из мелких и уж совсем ничтожный процент составляли средние и крупные. Типичный парижский рабочий – это кустарь-одиночка или ремесленник с одним-двумя подмастерьями.

Еще во времена Парижской коммуны возникла путаница между терминами «пролетарий» и «рабочий». Прудонисты, хоть и называли себя «пролетарскими революционерами», выражали интересы кустарей и ремесленников, которых было большинство в общей массе рабочих. Путаница в головах практиков и отождествление рабочих и пролетариев в трудах Маркса и Энгельса привели к тому, что пролетариат в программах большинства социал-демократических партий эпохи Второго Интернационала стал полностью тождественен рабочему классу.

Ленин всегда действовал и размышлял как политик-практик, поэтому у него нет однозначного определения пролетариата: оно менялось вместе с развитием политической ситуации в стране. Владимир Ильич в своих работах отталкивался, прежде всего, от российских реалий полупериферийного капитализма, в котором промышленный пролетариат составлял меньшинство трудящихся. В своих ранних трудах, стремясь расширить социальную базу социал-демократического движения, он толкует пролетариат в крайне широком смысле, включая в него кустарей («промышленный пролетариат, разлитый вне фабрики в городах и деревнях»), сельский пролетариат (деревенские поденщики и батраки), фабрично-заводских рабочих (Ленин 1967:448). Безусловно, Ленин выделяет промышленных рабочих по степени их организованности и политическому развитию, но он не отделяет их качественно от остальных слоев пролетариата. Владимир Ильич прекрасно понимал, что малочисленный промышленный пролетариат России не сможет стать единственной социальной опорой революционных сил, поэтому стремился сформировать широкую коалицию городского и сельского пролетариата. Понятия «рабочий класс» и «пролетариат» Ленин также использует как синонимы, не видя между ними принципиальной разницы.

В постреволюционный период, когда экономика страны была разрушена вследствие Первой Мировой и Гражданской войн, Ленин сужает понятие пролетариата, стремясь отметить его связь с крупным промышленным производством (Ленин 1970а:161):

...У нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, [промышленный пролетариат – *М. Л.*] деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики

и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями.

Таким образом, Ленин стремился выделить из общей массы деклассированных рабочих именно те слои, которые занимались не кустарным промыслом в условиях разрухи, а индустриальным трудом на крупном производстве. Это было особенно актуально в свете задачи скорейшего восстановления народного хозяйства. Подводя логическую черту, следует сказать, что поздний Ленин выделяет «основную массу рабочих» и «ядро рабочего класса» – фабрично-заводских рабочих или, иными словами, «промышленный пролетариат».

В 1926 г. И. В. Сталин в споре с оппозицией излагает собственное видение структуры рабочего класса. Для него понятия «пролетарий» и «рабочий» являются синонимами, но в рамках пролетариата он выделяет «чистокровный пролетариат» – ядро, состоящее из людей с большим рабочим стажем. Второй слой включал в себя недавних выходцев из мещанства, интеллигенции, крестьянства, еще окончательно не порвавших своих связей с землей и старой социальной средой. Третий же слой – рабочая аристократия (Сталин 1948:9–11). Приведенная классификация использовалась Сталиным, прежде всего, для объяснения социальных корней оппозиции, существовавшей внутри ВКП(б). Таким образом, Сталин не только рассматривал рабочий класс в рамках постоянного внешнего конфликта мелкой буржуазии и пролетариата, но и внутри пролетариата он видел столкновения разных слоев (Сталин 1948:10):

...Последние два слоя рабочего класса [выходцы из деревни и рабочая аристократия – *М. Л.*] представляют более или менее общую среду, питающую оппортунизм вообще, оппортунизм открытый, поскольку берут верх настроения рабочей аристократии, и оппортунизм, прикрытый «левой» фразой, поскольку берут верх настроения не вполне порвавших еще с мелкобуржуазной средой полумещанских слоев рабочего класса.

Известная американская исследовательница Шейла Фицпатрик в своей статье о классовой структуре советского общества в 1920-е гг. отмечает, что большевистское определение пролетариата базировалось на наличии у рабочих классового сознания: рабочий, осознающий свою особую историческую роль, – пролетарий, рабочий же без такого сознания был по определению «случайным элементом», зараженным мелкобуржуазными взглядами (Фицпатрик 1990). Таким образом, по трактовке Фицпатрик, большевики понимали под пролетариатом не только индустриальных рабочих, а всех наемных работников физического труда, преданных Советской власти. На мой взгляд, подобная глубоко субъективистская трактовка классовой теории не была свойственна ни Ленину, ни Сталину. Фицпатрик и не обращается к их трудам, а анализирует нижний исторический пласт – заявления рядовых советских служащих и партийных активистов. Безусловно, крайне важно проследить восприятие этими людьми пролетариата в постреволюционный период (1921–1924 гг.), когда накал межклассового противостояния еще не остыл. Но исследовательница не обращает внимание на объективные критерии классовой дифференциации в трудах лидеров РСДРП(б). Она делает исторические обобщения на основе анализа лишь небольшого исторического отрезка, когда страна находилась на разломе, прежнее классовое общество было разрушено, а новое – еще не выстроено.

Большевики, конечно, могли маневрировать теоретически, сужая или расширяя понятие пролетариата, но они не определяли его сугубо на основе единственного критерия политической лояльности новой власти. Можно говорить о динамическом равновесии двух сторон марксизма: научной системы и политической практики. В ситуации обострения классовой борьбы пролетариат определялся более с политической точки зрения («сознательные рабочие»), в периоды же стабилизации это понятие возвращалось к экономической основе («рабочие, занятые в крупной промышленности»).

Историография

В советский период вышли тысячи книг, брошюр и статей о рабочем классе в СССР. Я останавлиюсь только на наиболее важных работах.

Социолог О. Шкаратан рассматривает развитие социальной структуры рабочего класса с 1917 г. до конца 1960-х гг. в опубликованной в 1970 г. книге «Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование)». Его анализ раннесоветского периода (1917–1930-е гг.) базируется на внутриклассовой дифференциации, предложенной еще Сталиным: кадровые рабочие без земли, рабочие с землей и рабочая аристократия.

Исследователь всячески пытается завысить процент кадровых рабочих до 1929 г., чтобы максимально расширить пролетарскую социальную базу Советской власти и доказать, что масса крестьян, хлынувшая в города в ходе индустриализации, встретила с твердым ядром кадровых рабочих. Шкаратан явно недооценивает влияние индустриализации на размывание рабочего класса, хотя сам он приводит цифры, свидетельствующие в пользу того, что уже с 1931 г. большая часть (53,2 %) рабочих, поступивших в этом году на производство, были крестьянами (Шкаратан 1970:279). Проблема заключается и в том, кого считать кадровым рабочим. Например, если процент ленинградских рабочих, имевших хозяйство на земле, был минимальным, то уральские рабочие традиционно имели сильные связи с деревней. В 1926–1927 гг. 74 % из них владели земельными наделами, 83 % держали корову, 55,4 % имели в распоряжении лошадь (Фельдман 2002:40). Эти факты говорят в пользу того, что в крестьянской стране бессмысленно вычислять процент «чистых рабочих», оборвавших все связи с деревней. Многие рабочие на периферии имели, помимо заработной платы, сторонний доход, представляя собой переходный тип на пути от крестьянина к пролетарию, лишенному какой-либо собственности.

Согласно концепции Шкаратана, в развитом социалистическом обществе с 1960-х гг. на первый план выходят не классовые, а иные социально-дифференцирующие признаки: социально-экономическая неоднородность труда, профессия, квалификация, должность, участие в общественном самоуправлении (Шкаратан 1970:461). В своем исследовании Шкаратан всячески подчеркивает гомогенность советского общества при наличии внутриклассовых различий. На мой взгляд, в конечном счете это приводит к размыванию понятия «рабочий класс», которое трансформируется в рамках социологического исследования в понятие «наемный работник».

Кроме того, Шкаратан в своей работе не привел статистики по важному вопросу: какой процент рабочих пользовался землей в деревне или садоводческих товариществах, активно создававшихся предприятиями в 1960-е гг.? Рабочие не владели этой землей на правах полноценных собственников, но наличие дополнительного дохода, не связанного с наемным трудом, безусловно, влияло на их психологию. Этот важный фактор не учитывается Шкаратаном, который, как и многие советские исследователи, склонен приближать советское общество к коммунистическому идеалу. При этом стоит отметить, что названная работа является добротным, фундированным исследованием, опирающимся на большое количество статистических материалов и самостоятельные наработки автора.

Среди позднесоветских исследований важное место занимает книга Л. Гордона и А. Назимовой «Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития». Авторы отмечают, что рост советского рабочего класса происходил в условиях сохранения старых и возникновения новых технологических укладов. В советской экономике 1980-х гг. они выделяют три экономических уклада: доиндустриальный, развитый индустриальный, научно-индустриальный (Гордон, Назимова 1985:93–94). Доиндустриальный уклад характеризуется преобладанием ручного труда, который вовсе не исключает использования отдельных механизмов и машин. Но, в отличие от развитого индустриального уклада, в данном

случае работник не встроен в систему конвейерного производства. Он не взаимодействует с системой машин. Доиндустриальный технический уклад преобладает в сельском хозяйстве и строительстве. Основу индустриального уклада образует «система энергетических и рабочих машин, дополненных необходимыми передаточными механизмами и инфраструктурными устройствами» (95). Данный уклад преобладал в большинстве отраслей советской промышленности.

Научно-техническая революция в западных странах привела к массовой автоматизации производственных процессов. Человек исключался из непосредственного взаимодействия с производимой продукцией, его функции ограничивались программированием машин и контролем над ними. В советской промышленности научно-индустриальный технологический уклад делал в 1970–80-е гг. только первые робкие шаги. Как отмечают Гордон и Назимова, данный уклад пока не реализовался в отдельных сферах производства, он сосуществовал с развитым индустриальным укладом в наиболее наукоемких отраслях (98–99). Включение рабочих в разные технологические уклады неизбежно накладывало определенный отпечаток на их социальное поведение, мировоззрение и привычки. В этой связи Гордон и Назимова сделали ориентировочный расчет распределения промышленных рабочих по трем вышеназванным укладам: ручным трудом на конец 1970-х гг. заняты 35 %, механизированным и конвейерным трудом – 52 %, автоматизированным трудом – 13 % (123).

Гордон и Назимова, в отличие от большинства советских авторов, пытаются уйти от привычного восприятия советского рабочего класса как единой социальной общности. В рабочем классе они выделяют три крупные группы, существенно отличающихся друг от друга по своему месту в производственном процессе. Авторы – на мой взгляд, достаточно упрощенно – наделяют рабочих ручного труда безынициативностью, неорганизованностью, социальной безответственностью, в то время как рабочие, занятые на фабрике машинным трудом, оказываются их положительными антагонистами. Ошибка исследователей состоит в том, что внешняя регламентация труда выдается за сознательную организованность. Действительно, технологические условия крупного производства обеспечивают лучшие предпосылки для организации, но люди должны предпринять большие самостоятельные усилия, чтобы прийти к осознанному коллективизму. Многие марксисты, писавшие об имманентной прогрессивности промышленных рабочих по сравнению с другими отрядами рабочего класса, зачастую забывали об этом. По мнению Гордона и Назимовой, ключевые проблемы рабочего класса СССР заключались в медленном сокращении доли ручного труда и незначительном росте доли занятых в наукоемких отраслях.

В постсоветский период интерес ученых к истории советского рабочего класса резко ослаб. Многие исследователи, вынужденные заниматься установленной сверху темой по необходимости, а не из интереса, уходят в «свободное плавание» и благополучно забывают рабочий вопрос. Известный социолог Ядов в одном из интервью емко описал конец советской «социологии труда» (Ядов 2007:14):

Социология труда начала умирать, хотя сейчас немножко возрождается. Она начала умирать, потому что появился рынок. И те, кто занимался проблемами, входившими в область предмета социологии труда, стали изучать рынок. Всем стало интересно, что же происходит на рынке. Товарные отношения и т. д. гораздо шире, чем отношения на производстве. Кроме того, денег не было, средств не было, и все или почти все заводские социологические службы были ликвидированы. Единицы остались.

Особенно печально, что в 1990-е гг. была разрушена налаженная система социологических служб, действовавших при промышленных предприятиях. Заводская социология и ее центр – Ленинградская социологическая школа – в одночасье стали не нужны новым соб-

ственникам, стремившимся поскорее избавиться от «социалистического балласта» (Максимов 2014:108–109). Рабочим классом продолжают заниматься лишь отдельные ученые-энтузиасты. Среди них стоит назвать социолога Л. Гордона, который в 1990-е гг. пишет работы о шахтерском движении (Гордон 1992). Также следует выделить исследователя Б. Максимова, автора ряда важных работ о российском рабочем классе 1990-х гг. (Мирошниченко, Максимов 1994; Максимов 2004).

М. Польшов в своей монографии, вышедшей в 1998 г., прослеживает изменение численности, уровня жизни и образования рабочих Ленинграда в 1985–1995 гг. Его труд отличается скрупулезное внимание к статистике и рассмотрение положения ленинградских рабочих на фоне тех глубоких социально-экономических перемен, которые переживала Россия в начале 1990-х гг. Польшов опирается на широкий круг источников, включая архивные документы и заводские газеты, но его исследованию явно не хватает системного анализа Перестройки и неолиберальных реформ. Констатацией фактов он заменяет рассмотрение глубинных причин и следствий превращения отдельного завода в независимого товаропроизводителя, заявляя, в частности: «...курс на усиление самостоятельности предприятий и экономических методов управления был закономерен и неизбежен» (Польшов 1998:57). Его книга ценна как сборник статистических данных по ленинградской промышленности и рабочему классу на рубеже 1980–1990-х гг.

В рамках освещения самых важных книг, вышедших в постсоветский период, нельзя не назвать фундаментальное исследование А. Маркевича и А. Соколова (2005), которые прослеживают эволюцию мотивации к труду на московском заводе «Серп и Молот» за всю его историю с 1883 по 2005 г. Из недавних работ стоит выделить кандидатскую диссертацию М. Пискунова (2018) о трудовом коллективе Выборгского целлюзно-бумажного комбината. Исследование Пискунова представляет собой редкий в отечественной историографии пример изучения жизни коллектива отдельного предприятия на рубеже переломной эпохи начала 1990-х гг. Также крайне плодотворна, на мой взгляд, попытка Пискунова методологически соединить достижения «новой рабочей истории» Э. Томсона, «теорию трудового процесса» Г. Бравермана и «историю понятий» Р. Козеллека.

Ведя речь о западной историографии, важно выделить ее общую тематическую особенность – большое внимание к методикам, при помощи которых правящая элита и заводские управленцы держали рабочих под контролем и максимизировали производство прибавочного продукта. Из трудов западных исследователей следует отметить серию работ американского советолога Дональда Фильцера: «Советские рабочие и поздний сталинизм», «Хрущевская эпоха: десталинизация и границы реформ в СССР», «Советские рабочие и крах перестройки» (Filtzer 1992, 1993, 1994). Фильцер создает широкую панораму жизни советского рабочего класса на разных этапах его существования, уделяя большое внимание механике рабочего процесса и организации труда. Один из главных тезисов Фильцера состоит в том, что сопротивление советских рабочих производственной бюрократии развивалось не в привычных для западного капитализма формах (стачка, забастовка), а в виде специфической «пассивной борьбы» (прогулы, брак и т. п.).

Ценным исследованием является работа Боба Арнота «Контроль над советским трудом: экспериментальный переход от Брежнева к Горбачеву» (Arnot 1988). С точки зрения Арнота, центральное противоречие советской экономической системы заключалось в сосуществовании двух тенденций – экстенсивном росте за счет включения в оборот новых материальных и людских ресурсов при сохранении широкого контроля со стороны непосредственного производителя за собственным рабочим процессом. Такие факторы советской экономики как отсутствие безработицы, нехватка рабочей силы, неритмичные поставки комплектующих и сырья на предприятия вынуждали их руководителей идти на негласные соглашения с рабочими, ставшими не допустить повышения норм выработки и планов.

По мнению Арнота, в 1930–1950-е гг. негативные последствия расширенного контроля со стороны рабочих компенсировались абсолютным увеличением прибавочного продукта за счет перекачки рабочей силы из села в город и использования новых ресурсов. С исчерпанием источников экстенсивного роста данная экономическая политика зашла в тупик. С конца 1950-х гг. наметился экономический спад, который советское руководство пыталось остановить с помощью реформ и экспериментов. Данные реформы были нацелены на увеличение производства прибавочного продукта за счет использования интенсивных факторов (производительность труда), что предполагало выстраивание прямой связи между результатами труда и вознаграждением. Арнот констатирует неспособность советской правящей элиты решить эту проблему. Советское общество 1970-х гг. сильно изменилось по сравнению с 1930-ми гг., когда власть для поддержания трудовой дисциплины могла использовать методы принуждения. В позднесоветский период административные меры по борьбе с негативным контролем со стороны рабочих натолкнулись на существование на производстве мини-корпорации – союза управленцев и рабочих. Трудовой коллектив – от рабочего до директора – не был заинтересован в повышении плана, которое накладывало бы большие обязательства без должного вознаграждения.

* * *

Данная работа не претендует на исследование истории советского рабочего класса в целом. Для меня это стало бы непосильной задачей. Делая необходимые экскурсы в сюжеты раннесоветской истории, я целенаправленно концентрируюсь на периоде, последовавшем за косыгинской реформой, – 1965–1995 гг. Эта реформа не привела к революции в производственных отношениях советского общества, но она качественным образом усилила уже существовавшие тенденции – прежде всего, промышленный патернализм, сыгравший в истории СССР крайне противоречивую роль. Поэтому тему данной книги можно сформулировать следующим образом: влияние промышленного патернализма на советский рабочий класс после реформы 1965 г. Соответственно, под советским рабочим классом я понимаю наемных работников умственного и физического труда, занятых в сфере материального производства (промышленность, строительство, транспорт и др.) и ряде отраслей нематериального производства (ЖКХ, связь), не занимающих руководящих постов в среднем и высшем звене управления предприятия. В силу масштабов рассматриваемого явления моя работа основана, прежде всего, на изучении рабочих, занятых в промышленности. На мой взгляд, на примере изучения промышленных рабочих как самого большого отряда советского рабочего класса можно выделить общие закономерности их жизни и деятельности, беря в расчет специфику труда в разных отраслях экономики.

Перед началом данного исследования я задавался вопросом: почему многомиллионный советский рабочий класс в начале 1990-х гг. не встал на защиту устоев советского общества? Отчасти выводы этой работы стали открытием для меня самого, заставив пересмотреть некоторые теоретические положения, созданные в рамках марксистской политической традиции. Один из главных вульгарно толкуемых тезисов марксизма состоит в том, что промышленный пролетариат обладает некой перманентной революционностью, готовой развернуться в удачный момент времени. Все дело в обстоятельствах и политической организации. Сторонник подобной позиции снимает с рабочих всякую ответственность за собственную судьбу, превращая их в пассивный инструмент политических интриг. В действительности же промышленные рабочие находятся в условиях капиталистического производства, которые действительно располагают к коллективной самоорганизации. Но это расположение ни в коем случае нельзя принимать за свершившуюся возможность. В разные исторические периоды и в различных социальных системах на рабочих действуют экономические, культурные факторы, размывающие их

классовую самоидентификацию и мешающие коллективной борьбе. Если рабочий класс России в 1917 г. состоялся как класс и стал субъектом истории, то 1991 г. ознаменовался его распадом.

Эти мысли привели меня к выводу о том, что было бы ошибкой идеализировать рабочий класс как таковой, на новый лад бросаясь в идолопоклонство ранних народников перед крестьянами. Другой крайностью стала бы полная утрата веры в способность рабочих решать исторические задачи, стоящие перед человечеством. Своей книгой я хотел бы предложить альтернативу подобному «черно-белому» восприятию. Поэтому девизом ее могут стать слова, написанные когда-то Барухом Спинозой (2015:244):

Итак, мысленно обращаясь к политике, я не имел в виду высказать что-либо новое или неслыханное, но лишь доказать верными и неоспоримыми доводами или вывести из самого строя человеческой природы то, что наилучшим образом согласуется с практикой. И для того, чтобы относящееся к этой науке исследовать с тою же свободой духа, с какой мы относимся обыкновенно к предметам математики, я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать.

Хочу выразить большую благодарность за подготовку текста к публикации и дружеские советы Д. Кольман, Н. Вирту, И. Гиркому. М. Волчкову, редакции интернет-журнала «Вестник Бури».

А существовал ли в СССР рабочий класс?

Главной провозглашенной целью существования советского государства было создание коммунистического общества, т. е. уничтожение классов. В Советском Союзе классы продолжали существовать, но они были качественно иными по сравнению с буржуазным обществом. С завершением НЭПа и началом индустриализации в СССР пролетариата в точном марксистском смысле не было, так как под пролетариатом следует понимать один из двух антагонистических классов буржуазного общества. Пролетариат и буржуазия – это два взаимозависимых социальных класса, без первого нет и второго. Об этом в одной из своих работ писал Сталин,² верно указывая на то, что пролетариат СССР не просто видоизменился, но на его основе появился качественно новый класс: «...рабочий класс СССР – это совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества» (Сталин 1997:123). В советской историографии позднее 1935 г. нельзя встретить заголовок «История советского пролетариата». Он неизбежно вызвал бы неудобные вопросы: если есть пролетариат, значит, его эксплуатирует класс-угнетатель? В ходу были другие заглавия, например, «Рабочий класс – ведущая сила коммунистического строительства» (Корнилов 1966) или «От российского пролетариата к социалистическому рабочему классу» (Игнатовский 1971).

Британский экономист Боб Арнот верно отметил трансформацию понимания класса в советской науке с 1960-х гг. (Arnot 1988:30):

Класс был истолкован как социологическая категория, основной целью которой была однозначная классификация индивидов по профессиональной

² «Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат. Пролетариат – это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству, руководящей силой которого является рабочий класс. Стало быть, нет больше класса капиталистов, который мог бы эксплуатировать рабочий класс» (1997:141–142).

иерархии, а не по категории политической экономии. Как предполагалось ранее, структура классов отражает и влияет на процесс извлечения прибавочного продукта и не обязательно приводит к такой однозначной схеме классификации. Не имеет значения, если один индивид или даже группа индивидов не могут быть аккуратно вписаны в «классовую систему», потому что в теории не входит предоставление такой схемы. Классовый анализ – это не процесс навешивания ярлыков, а попытка понять центральную динамику социально-экономической формации.

В свете вышесказанного совершенно не случайно, что с 1960-х гг. в СССР рабочим классом стали заниматься не политэкономы, а социологи: А. Здравомыслов, В. Ядов, Л. Гордон, О. Шкаратан и другие. Как впоследствии признавался сам Ядов, советские социологи в 1960-е гг. «втащили втихаря» в свои работы структурный функционализм Т. Парсонса (Ядов 2002:162; Фирсов 2013:151–156). Если взять, к примеру, книгу О. Шкаратана (1970) о рабочем классе, то в ней можно обнаружить методологическую эклектику из марксизма и структуралистских идей. Взамен базовой марксистской категории «классовое общество» вводится категория «социальная структура». Дело не просто в выборе удобного термина, а в смене методологической основы – если марксизм нацелен на межклассовый конфликт, то структурализм делает акцент на взаимодействии разных социальных элементов ради поддержания стабильности всей социальной структуры. В рамки теоретической концепции Парсонса укладываются только действия элементов системы, которые способствуют ее гармонизации, революционные же преобразования и социальные конфликты воспринимаются как девиации (Батыгин 2003:32).

Классовая борьба в СССР не прекращалась, хотя и была скрыта за официозными фразами о взаимодействии классов в рамках «развитого социализма». Но существование классов в экономике не всегда ведет к наличию у них политического представительства. В Советском Союзе с конца 1920-х гг. рабочий класс был политически обезличен в связи с тем, что государственно-партийная бюрократия оттеснила рабочих от управления обществом. В книге «Нищета философии» Маркс писал о том, что капиталистические условия производства превратили массы народонаселения в рабочих, а позже, в ходе борьбы с буржуазией, пролетариат стал превращаться из класса в себе в класс для себя (Маркс 1941:147):

Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой.

На протяжении советской истории шел обратный процесс деконструкции рабочего класса и превращения рабочих в аморфную массу советских обывателей. Интересно отметить, что политическая деконструкция советского рабочего класса проходила на фоне его количественного и качественного роста. В годы первых советских пятилеток это привело к размыванию его классового ядра, состоявшего из рабочих с дореволюционным стажем. В 1932–1933 гг. была проведена перепись рабочих 13 профсоюзов (1,5 млн человек). Согласно ее данным, средний возраст рабочих различных профессий колебался от 26 до 33 лет. Средний возраст рабочих в черной металлургии в 1932–1933 гг. равнялся 28,8 годам, в электротехнической промышленности – 27,8 годам (Гольцман, Коган 1934:16). Даже с учетом того, что после революции многие люди начинали работать на заводе с 16–18 лет, в начале 1930-х гг. большая часть рабочих не имела дореволюционного стажа и, соответственно, опыта борьбы с буржуазией. В черной металлургии дореволюционный стаж имели лишь 15 % рабочих, в транспортном машиностроении – 19 %, в сельхозмашиностроении – 12 % (19). НЭП не обогатил существенно опыт борьбы большинства советских рабочих, так как с частным капиталом взаимодейство-

вало меньшинство трудящихся. Например, в 1926 г. на частных предпринимателей работали лишь 1,8 млн рабочих (18 % от общей массы) (Шкаратан 1970:233).

Миллионы приехавших в города крестьян не обладали навыками и традицией отстаивания своих социальных прав. Вырвавшись из крестьянской среды, они включались в мобильную трудовую армию, которую власти перебрасывали на поднимающиеся одна за другой великие социалистические стройки. В ходе индустриализации ковался новый рабочий класс, который был крайне восприимчив к упрощенным политическим лозунгам о победе социализма в СССР. Конечно, новые рабочие не были полностью послушными исполнителями воли начальства. Но их протест против тяжелых условий труда чаще всего проявлялся либо в увольнении, либо в осуществлении негативного контроля над производством: производстве брака, нарушении трудовой дисциплины. Стремительность, с которой ломался старый крестьянский уклад и формировался рабочий класс, приводила к появлению переходного типа полурбочего-полукрестьянина, уже утратившего большую часть деревенских представлений, но еще не ставшего горожанином по духу. В силу того, что в 1950–1960-е гг. продолжался бурный приток крестьян в города и многие рабочие долго не порывали своих связей с деревней, этот переходный тип рабочего сохранялся на протяжении нескольких десятилетий.

В своем исследовании о трансформации «капиталистического Петербурга» в «социалистический Ленинград» Е. Герасимова и С. Чуйкина на основе интервью 50 рабочих выдвигают гипотезу о формировании в нескольких районах северной столицы городских микросообществ. Недавние выходцы из деревни, селившиеся на окраинах города, общались преимущественно со своими земляками, образуя собственный круг общения и формы досуга на основе родственных связей и территориальной общности (земляки, соседи). Рабочие из числа ленинградцев были больше привязаны к своему трудовому коллективу на предприятии. Авторы приходят к выводу: «...при заводах формировались относительно замкнутые микросообщества, существовавшие несколько десятков лет» (Герасимова, Чуйкина 2000:48). Звеном, которое скрепляло сообщества двух этих типов, была располагавшаяся в рабочих районах заводская социальная инфраструктура. Трудящиеся посещали одни кинотеатры и танцевальные площадки, что постепенно стирало разницу между новыми и потомственными членами класса.

Классовый состав населения СССР (в %)

	1913	1924	1928	1939	1959	1970	1979	1987
Все население	100	100	100	100	100	100	100	100
Рабочие	14,6	10,4	12,4	33,7	50,2	57,4	60	61,8
Служащие	2,4	4,4	5,2	16,5	18,1	22,1	25,1	26,2
Колхозное крестьянство и кооперированные кустари	-	1,3	2,9	47,2	31,4	20,5	14,9	12
Крестьяне- единоличники	66,7	75,4	74,9	2,6	0,3	0,0	0,0	0,0
Буржуазия, помещики, торговцы	16,3	8,5	4,6	-	-	-	-	-

Источники: Население СССР 1983:143; Население СССР 1988:107.

* * *

В марксизме классы определяются через отношения друг к другу, зачастую крайне конфликтные. В советской идеологии еще с 1930-х гг. была закреплена четкая трехчленная классовая структура: рабочий класс, крестьянство, советская интеллигенция. Если Сталин подводил под репрессии идеологическое обоснование (обострение классовой борьбы по мере строительства социализма), то после его смерти вышеназванная схема устройства советского общества не предполагала возможности межклассовых или внутриклассовых конфликтов: все классы должны были строить коммунизм слаженно и без каких-либо противоречий. Механистическое представление о Советском Союзе как о единой социальной машине привело к тому, что само понятие «класс» в СССР потеряло реальный научный смысл. Данное явление не прошло мимо внимания некоторых советских ученых. Например, Гордон и Назимова писали (1985:34):

Классовое деление на рабочих и крестьян перестает отражать главное отношение социальной структуры зрелого социализма. Советское общество поднимается на такую ступень своего развития, где оно приобретает неклассовый характер, где оно становится обществом, в котором исчезают классы, четко отличающиеся своим отношением к средствам производства и вытекающими отсюда особенностями условий жизни.

Но в данном контексте советские исследователи имели в виду рост рабочего класса и включение в него большинства общества. Таким образом, все общество становится единым классом, что, по мысли исследователей, тождественно отсутствию классов.

Отчуждение рабочих от участия в политике привело к тому, что на излете советского проекта классы существовали в экономическом смысле, но не в политическом. СССР был классово обезличенным обществом. Советская бюрократия взрастила общество как совокупность

обывателей. Именно поэтому, несмотря на усиленную пропаганду выхолащенного марксизма, в период Перестройки трудящиеся СССР стали объединяться не по классовому принципу, а по совершенно иным – национальным, религиозным, политическим.

Правда, стоит заметить, что в этой общей тенденции к деклассированности было свое исключение. Речь идет, конечно, о советской партийно-государственной номенклатуре. Именно номенклатура была одной из важнейших составляющих нового правящего класса современной России. Постоянный контроль над финансовыми потоками привел к формированию в разных сферах советской экономики мощных кланов, которые пытались распределять союзный бюджет в свою пользу. Наиболее стремительно данный процесс классовообразования шел в сфере топливно-энергетического комплекса, так как управленцы этой экспортоориентированной отрасли имели более сильные экономические связи с мировым рынком, чем руководители других отраслей экономики СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.